

Мо Гуньгунь прижался к груди большого чудища, и, ощутив такую бережную заботу, в конце концов не выдержал: шмыгнул носом, а глаза его покраснели.

Лу Сяоци поджал губы, чувствуя, как на груди расплывается мокрое пятно.

Выплеснув эмоции, Мо Гуньгунь наконец успокоился. Он ошарашенно уставился на влажный след на одежде, а затем украдкой покосился на большое чудище.

Лу Сяоци, кажется, задействовал весь запас терпения, какой у него был в жизни. Увидев, что кроха наконец перестал плакать, он облегченно выдохнул.

Мо Гуньгунь своими маленькими ладошками ухватился за край одежды и принялся тереть грудь чудища, пытаясь стереть улики своего позора. Надув губки, он пробормотал:

— Прости.

В глазах Лу Сяоци промелькнула улыбка. Он потрепал мальчишку по голове — ощущения были на удивление приятными.

— Ничего страшного, не плачь.

Мо Гуньгунь смутился и почесал щеку. Ведь он был уверен, что сможет сдержаться, но в итоге... почему-то не вышло.

— М-м, — он помедлил, — прости.

Сказав это, он поднял заплаканное личико и постарался выдавить из себя виноватую улыбку — такую осторожную и послушную. Лу Сяоци почувствовал, как сердце тает от умильной неловкости малыша.

— Все хорошо, — ответил он.

Поразмыслив, он достал бамбуковый побег:

— Будешь еще?

Завидев еду, голодный Мо Гуньгунь просиял. Он машинально взял побег и приготовился сгрызть кожицу, но, открыв рот, обнаружил лишь два крошечных клыка, которые не могли справиться с твердой оболочкой.

Мо Гуньгунь оставил на бамбуке два маленьких следа от зубов. Очевидно, это было куда лучше, чем у пухлого младенца, но — увы — все еще несравнимо с мощными челюстями панды.

Не сумев откусить ни кусочка, Мо Гуньгунь почувствовал, как его хрупкое сердце готово

разбиться вдребезги. Эмоции, которые только что начали утихать, снова вышли из-под контроля. Он словно был сделан из воды: стоило чему-то пойти не так, как из глаз тут же катились слезы.

Лу Сяоци поспешно похлопал его по спине:

— Сначала съешь фрукт, а потом мы запечем побег.

— М-м, — Мо Гуньгунь сегодня пережил слишком много потрясений и пока не мог прийти в себя. Он послушно кивнул, надув щеки и глядя в сторону с таким выражением вселенской скорби, что казался невероятно несчастным.

Сникший, он свернулся калачиком у камня и, держа в руках ярко-красное яблоко, принялся понемногу его откусывать. Маленький рот не переставал жевать, но настроение оставалось подавленным.

Лу Сяоци чувствовал головную боль. Он привык к армейской жизни, где воспитывать подчиненных было легко: если не слушаются — просто бей, пока не подчинятся. Со многими проблемами он справлялся решительно и быстро. Но перед ним была маленькая панда в человеческом облике, кроха, только что потерявший родных, и Лу Сяоци совершенно не знал, что делать.

О том, чтобы ударить, не могло быть и речи — он не то что повредить, он бояться дыхнуть на него лишний раз, хотелось спрятать малыша на ладони и защитить от всего мира. Лу Сяоци не подал виду, но его движения стали чуть быстрее. К счастью, по пути сюда он заметил фрукты, которые ел малыш, и машинально подобрал их.

Мо Гуньгунь еще не привык есть в таком теле, поэтому быстро перепачкался с ног до головы. Ему казалось, что его рот — вовсе не рот. В глубине души он тосковал по своему настоящему телу панды и густой шерсти. Маленький человечек внутри него катался по полу и рыдал: он хотел свою шерстку, он не хотел быть этим уродцем.

Заметив, что кроха снова готов расплакаться, Лу Сяоци сказал:

— В этот раз моя рана немного болит.

Слезы, уже готовые пролиться, мгновенно высохли. Мо Гуньгунь встрепенулся и поднял голову:

— Болит? Ты в порядке? Ты не умрешь?

Юный Гуньгунь почти пополз по Лу Сяоци, не заботясь о том, что бесцеремонно лезет человеку в объятия — все его внимание было приковано к ране чудища. Он начал дуть на нее, а потом, подумав, решил, что стоит ее облизать.

Лу Сяоци увидел, что малыш перестал думать о грустном, и не хотел, чтобы тот беспокоился.

— Все в порядке, я не умру.

Мо Гуньгунь обхватил рану и, широко распахнув глаза, серьезно произнес:

— Но тебе же больно.

Для панды боль была угрозой жизни, поэтому он был готов распушить шерсть от ярости.

— Правда, все хорошо, не волнуйся.

Мо Гуньгунь не поверил.

Лу Сяоци захотелось ударить себя по лбу — кажется, утешение сработало плохо, лишь добавив крохе стресса. Он ненавидел свою косноязычность.

Мо Гуньгунь опустил голову и принялся очень старательно дуть на рану. Затем, моргая влажными глазами, он поднял взгляд и робко спросил:

— Стало лучше?

Это было до того мило, что сердце Лу Сяоци дрогнуло. Он отвел взгляд и ответил:

— Гораздо лучше.

Услышав это, Мо Гуньгунь воодушевился и, казалось, был готов засучить рукава, чтобы дуть еще усерднее. Лу Сяоци заметил, как к белоснежной шее малыша прилипла черная прядка, и невольно опустил глаза, скрывая глубокие чувства.

Мо Гуньгунь дул довольно долго, пока щеки не начали ныть, и украдкой потер их. Выражение лица Лу Сяоци смягчилось, а резкие черты лица стали менее суровыми.

— Уже не болит.

Мо Гуньгунь замер:

— Правда?

Лу Сяоци кивнул. Мо Гуньгунь счастливо улыбнулся, и его глаза превратились в полумесяцы:

— Вот и хорошо. Я буду дуть на нее и дальше.

Для Лу Сяоци это «лечение» не имело никакого смысла, но этот легкий ветерок словно пронесся по его душе, вызывая круги на воде.

— Хорошо, — ответил он.

Мо Гуньгунь засиял, обнажив ровные белые зубки, а на щеках проступили крошечные ямочки. Его черные глаза, изогнутые дугой, лучились радостью. Сердце Лу Сяоци словно что-то толкнуло, он застыл, глядя на юношу.

Мо Гуньгунь, улыбаясь, заметил, что большое чудище остолбенело, глядя на него. Он озадаченно моргнул, внезапно осознал что-то и, закрыв лицо руками, расплылся в улыбке.

Лу Сяоци вздрогнул. Малыш попытался вырваться и убежать, но Лу Сяоци машинально прижал его к себе, не давая споткнуться.

— М-м, — нос Мо Гуньгуня покраснел, — не смотри.

Лу Сяоци нахмурился.

— Я знаю, что стал ужасно уродливым, — проговорил Мо Гуньгунь с плачем в голосе.

Уродливым? С чего бы это? Лу Сяоци был поражен — этот малыш был невероятно красив, как он вообще мог связать себя со словом уродство?

Мо Гуньгунь продолжал закрывать лицо:

— У меня больше нет шерсти, я самая уродливая лысая панда в мире. Я тоже стал чудищем.

Лу Сяоци остолбенел, а уголки его губ дернулись. Он внезапно вспомнил, что малыш только что назвал его большим чудищем. Лу Сяоци впервые засомневался в своей внешности. С самого детства он был гордостью родителей, его хвалили за силу, упорство и красоту. Он никогда не думал, что в глазах панды он выглядит столь отвратительно.

Видя, как малыш расстроен, он понял, что тот наверняка считает его невероятным уродом. Что ж... бедный малыш. Лу Сяоци почувствовал легкую досаду и похлопал его по спине:

— Ты не уродливый, правда.

Укоренившиеся представления о красоте было не так просто изменить, и Мо Гуньгунь ему не поверил.

— Не надо меня обманывать, ты только что сам застыл от ужаса.

Лу «Уродливое чудище» Сяоци: «.....»

Мог ли он сказать, что застыл от восхищения его красотой? Очевидно, маленькая панда не поверит. Лу Сяоци терзался и невольно дернул своим драконьим хвостом.

Мо Гуньгунь подсмотрел сквозь пальцы, увидев мощный черный хвост, и в его глазах промелькнула зависть и тоска. Он стал таким уродливым, а у него даже нет такого красивого хвоста, как у большого чудища. Подумав о том, что он еще уродливее, чем чудище, и никогда не вырастет таким красивым, как мама, Мо Гуньгунь окончательно пал духом.

Лу Сяоци долго молчал:

— Гуньгунь, ты считаешь меня уродливым?

Мо Гуньгунь вздрогнул всем телом. Взгляд Лу Сяоци блеснул. Отлично, малыш уже ответил своим поведением. На самом деле, это был небольшой удар и по самолюбию самого Лу Сяоци.

Он снова похлопал юношу по спине:

— По меркам моей расы ты очень красив. Не нужно прятаться.

Если бы он просто сказал, что малыш хорош собой, тот бы не поверил.

— По меркам твоей расы? — Мо Гуньгунь удивленно поднял голову.

Лу Сяоци кивнул. В сущности, стандарты красоты в Звездной империи были схожи, и за редким исключением, такой мягкий и нежный юноша, как Мо Гуньгунь, везде вызывал бы любовь и восхищение. Но вот раса малыша... Лу Сяоци помедлил, не решаясь ничего сказать.

У-эр в душе сокрушался: Даже без шерсти ты все равно наша самая любимая маленькая панда!

Мо Гуньгунь был любопытен насчет стандартов красоты расы большого чудища. Услышав его слова, он ошарашенно указал на себя:

— Я выгляжу красиво?

Лу Сяоци кивнул:

— Да.

Мо Гуньгунь не мог себе этого представить: без шерсти, весь какой-то голый — что тут может быть красивого? Он посмотрел на Лу Сяоци с особой жалостью.

Лу Сяоци: «.....»

— А большое чудище тоже очень красивый человек? — спросил Мо Гуньгунь.

Лу Сяоци, столкнувшись с его подозрительным взглядом, не нашел слов. Мо Гуньгунь сравнил

их и попытался утешить:

— Не грусти. Даже если ты не идеален, твой хвост очень красивый.

Лу Сяоци: «.....»

Долгое молчание.

— Спасибо, — хрипло ответил Лу Сяоци.

— Я правда не такой уж уродливый? — переспросил Мо Гуньгунь.

— Нет.

«Не такой уж уродливый»? Если это уродство, то в Галактике вообще не осталось красивых людей.

Мо Гуньгунь не очень-то поверил, но решил сделать вид, что поверил. Он кивнул и глубоко вздохнул:

— М-м, я тоже спасибо большому чудищу.

Лу Сяоци повидал в жизни слишком много грязи, чтобы не заметить, что слова малыша расходятся с мыслями. Он едва заметно дернул губой, но промолчал. Только сегодня он узнал, что панда всегда звала его большим чудищем. Он утешал себя тем, что в глазах панды люди и правда выглядят странно.

Поев и попив, Мо Гуньгунь посмотрел на чудище:

— Большое чудище, что нам теперь делать?

— Выбираться, — ответил Лу Сяоци.

Мо Гуньгунь послушно кивнул и положил обе руки на землю, чтобы чувствовать себя устойчивее и не спотыкаться. Глядя на юношу, который сидел на корточках и смотрел на него снизу вверх, Лу Сяоци невольно дернул щекой.

Мо Гуньгунь внезапно втянул воздух и потряс руками. Лу Сяоци замер, поспешно схватил руки юноши и обнаружил, что на ладонях, испачканных грязью, полно ран. Осмотрев его внимательнее, адмирал почернел лицом. Он поставил малыша на землю и, помрачнев, замолчал.

Мо Гуньгунь испугался. Он попытался отдернуть руку, но Лу Сяоци крепко сжал его запястье.

— Большое чудище...

— Не двигайся, — низким голосом сказал Лу Сяоци.

Мо Гуньгунь замер и пробормотал:

— Что, что случилось?

Лу Сяоци пристально посмотрел на юношу, чье лицо было испачкано землей, и невольно стер грязь большим пальцем. Разорвав штанину и смочив ткань водой, он принялся осторожно очищать края ран. В его темных глазах бушевала буря.

Увидев раны, Мо Гуньгунь сказал:

— Ой, уже зажило.

Лу Сяоци помрачнел, привел малыша в порядок, развернулся и присел:

— Залезай.

Мо Гуньгунь опешил. Подождав немного и увидев, что юноша-панда в растерянности, Лу Сяоци вздохнул, подхватил его под руки и с усилием закинул себе на спину. В ушах раздался мягкий, тихий возглас.

Лу Сяоци понес его к выходу из пещеры. Подземелье было похоже на лабиринт, он уже нашел несколько зацепок, но оставаться здесь с малышом было слишком опасно. Сначала нужно выбраться.

Мо Гуньгунь положил подбородок на широкое плечо мужчины и смотрел на него сбоку, не мигая. В его черных блестящих глазах было полное доверие.

Лу Сяоци: «.....»

Прошло пять минут. Мо Гуньгунь продолжал смотреть на него, глаза чуть блестели.

Лу Сяоци: «.....»

Прошло десять минут. Мо Гуньгунь смотрел на него с «звездным» блеском в глазах.

Лу Сяоци: «.....»

Долгое молчание.

— Что такое? — спросил Лу Сяоци.

— Большое чудище такое сильное, если бы это был я, я бы ни за что не смог нести большое

чудище на спине.

Лу Сяоци: «.....» Нести?

Мо Гуньгунь обрел опору и, наконец, пришел в себя, так что его внутреннее «болтливое я» проснулось. В ушах Лу Сяоци зазвучал непрерывный щебет — звонкий, мелодичный и мягкий. Как тогда, когда он был пандой, только лучше, потому что теперь он понимал каждое слово. Лу Сяоци внутри был взволнован, но внешне лишь невозмутимо отзывался.

Мо Гуньгунь привык к молчаливости чудища и не чувствовал, что его игнорируют. Заметив капли воды, он проговорил:

— Раньше, когда я был один, вокруг слышалось только капанье воды, это было так страшно.

Лу Сяоци словно ударили ножом — сердце сжалось от жалости.

Мо Гуньгунь продолжал тараторить:

— Кулон тоже пропал, было так темно. Я думал, вы все меня бросили. А еще я превратился в чудище, мне было так страшно. Это тело какое-то нескладное, лапы разной длины, я постоянно спотыкался.

Лу Сяоци чувствовал, как его сердце разрывается от боли. Вспоминая те кровавые следы, он не мог вымолвить ни слова.

В темноте Мо Гуньгунь ничего не заметил:

— Но я восстанавливаюсь очень быстро! Раны на руках раньше так болели, а сейчас я смотрю — они исчезли. Я...

Почувствовав, что мужчина остановился, Мо Гуньгунь удивился:

— Что случилось?

Лу Сяоци глубоко вздохнул, опустил его на землю и крепко обнял:

— Прости.

— А? — Мо Гуньгунь был совершенно сбит с толку.

Лу Сяоци винил себя. До того как он встретил малыша, он сам был ранен куда серьезнее, чем то, что он увидел сейчас.

Мо Гуньгунь перевел взгляд с профиля чудища на его голову, а затем на слегка опущенный

хвост. Его рука была так близко к черному хвосту, и, кажется, он мог до него дотянуться. Раньше его маленькие короткие лапки ни за что бы не достали.

Лу Сяоци терзался чувством вины, когда внезапно вздрогнул всем телом и чуть не сбросил юношу. Мо Гуньгунь, пойманный с поличным, ошарашенно смотрел на изменившееся лицо чудища.

— Большое чудище? — осторожно позвал он.

Лу Сяоци перехватил его шаловливую руку и долго смотрел на юношу, не зная, что сказать. Хвост для мутантов был величайшей ценностью, особенно его основание — это была и смертельная точка, и самая чувствительная зона. Только что Лу Сяоци прошло током, стоило Мо «Шалуну» Гуньгуню коснуться его.

Мо Гуньгунь невинно хлопал глазами: «.....»

Лу Сяоци: «.....»

— Можно пораниться, — наконец выдавил Лу Сяоци.

Мо Гуньгунь моргнул:

— Тогда я буду трогать осторожнее, можно?

Конечно, нельзя. Лу Сяоци хотел сказать это, но, увидев ожидающий и робкий взгляд крохи, не смог отказать. На лбу запульсировала вена. Он был в отчаянии — даже самые хитрые солдаты не вызывали у него такой головной боли.

Большое чудище молчит — значит, согласился? Мо Гуньгунь подумал и решил:

— Большое чудище, я точно тебя не пораню.

Лу Сяоци: «.....» Нет, это нежные ручки панды будут ранены. Его хвост мог перебить дерево, как он мог пораниться от прикосновения?

— Я подую на него, — сказал Мо Гуньгунь с жадностью.

Лу Сяоци все же сдался:

— ...Хорошо. — Он помедлил. — Дуть не нужно.

Мо Гуньгунь кивнул, но не удержался и снова потянулся к хвосту. Ему было приятно, что его руки стали длиннее и гибче.

Только он почувствовал, что начинает привыкать к этому телу, как вдруг ощутил жар. Тело

начало уменьшаться. Если бы Лу Сяоци не среагировал быстро и не подхватил маленький пушистый комочек, Мо Гуньгунь упал бы на землю.

Приземлившись на теплую ладонь Лу Сяоци, Мо Гуньгунь опешил.

— М-м-м? — вопросительно пискнул он.

Лу Сяоци: «.....»

Мо Гуньгунь сел на ладони, ошарашенно посмотрел на свои крошечные лапки, затем на пушистый животик, потыкал себя в уши и радостно запищал. Он покрутился на месте, опираясь на две короткие передние лапки:

— М-м, м-м-м-м!

«Большое чудище, я превратился обратно! Смотри, я снова панда с шерсткой!»

Радость Мо Гуньгуня была написана на мордочке, и Лу Сяоци осторожно сжал пальцы:

— Гуньгунь такой милый.

Мо Гуньгунь поднял голову, и вокруг его глаз снова появились черные круги:

— М-м.

— Не двигайся, — попросил Лу Сяоци.

Мо Гуньгунь кивнул и заверещал.

Лу Сяоци: «.....»

О нет, он снова перестал его понимать. Адмирал Лу напрягся, его походка стала скованной. Он притворился, что все понимает:

— М-м.

— Большое чудище, я в этом облике красивый? — спросил Мо Гуньгунь.

— М-м.

— А в том? — Мо Гуньгунь был в восторге.

— М-м.

Мо Гуньгунь стал еще счастливее:

— Большое чудище, хоть ты и не такой уж красивый, но ты такой сильный!

— М-м.

Утешив чудище и вернув свою шерстку, Мо Гуньгунь был на седьмом небе от счастья и продолжал что-то радостно верещать. Атмосфера была гармоничной, вот только тон Лу Сяоци был каким-то неестественным.

Прошли еще немного, и Мо Гуньгунь повел носом: «М-м?» Большое чудище, тут какой-то странный запах. Немного знакомый, но неприятный.

Почти в то же мгновение Лу Сяоци остановился. Его взгляд стал суровым, он слегка сжал пушистый рот малыша и прошептал:

— Тс-с.

Мо Гуньгунь кивнул, причмокивая зажатым ртом. Он ни за что не издаст ни звука!

Они медленно приблизились, и Мо Гуньгунь заметил знакомый серый туман. У-эр, спрятанный в кулоне, внезапно дернулся, но он был слишком слаб, чтобы выбраться.

— Гуньгунь! Уходи отсюда! — закричал У-эр.

Мо Гуньгунь замер.

— Уходи быстрее! — кричал У-эр.

Мо Гуньгунь открыл рот, но Лу Сяоци уже подошел к повороту. За углом пещеры, хотя он был послушным комочком, Мо Гуньгунь не удержался и высунул голову. Он закрыл рот лапками и задрожал от ужаса.

Лу Сяоци мог полагаться только на шум ветра, поэтому ему оставалось наблюдать через глаза малыша. Он увидел десятки черно-красных скелетов. А еще двух людей с застывшими движениями и бледно-черными лицами.

Лицо Лу Сяоци стало суровым. Красные скелеты должны были быть сильнее черных, но перед этими двумя они не смели даже дышать.

Человек в белом халате клацал зубами, голос его звучал хрипло, как кузнечные мехи, а слова вылетали с трудом:

— Ты... уверен... что... не... ошибся?

<http://bllate.org/book/21220/2147348>